

ТОЛЬКО

ГОЛУБИ ЛЕТАЮТ БЕСПЛАТНО

Юлия Латынина

Юлия Латынина

Только голуби летают бесплатно

«ЭКСМО»

2004

Латынина Ю. Л.

Только голуби летают бесплатно / Ю. Л. Латынина — «Эксмо»,
2004

Она не была в России восемь лет из прожитых на свете девятнадцати.
И восемь лет она ждала звонка от отца, Семена Собина – генерального
директора АО «Авиарусь» и самого лучшего на свете мужчины! Но как
часто случается так, что наши надежды не сбываются, а жизнь преподносит
совершенно неожиданные сюрпризы и испытания.

© Латынина Ю. Л., 2004

© Эксмо, 2004

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Юлия Латынина

Только голуби летают бесплатно

«Деньги не жизнь. С ними нельзя расставаться так быстро».
Ответ члена правительства талибан на просьбу российского бизнесмена вернуть долги Афганистана СССР.

Глава первая

Москва встретила ее морозящим дождем. В Англии в это время стояла теплая, по-осеннему дивная погода, и в Гайд-парке, куда она любила ходить гулять, на воде плавали крупные утки, а лебеди, подбирающие корм, не разлетались, когда мимо них пробежали утренние любители трупы.

В Москве было сыро и темно, буквы, глядящие со здания аэропорта, пылали в глубине замасленных луж, и вместо того, чтобы препроводить пассажиров по рукаву прямо в здание аэровокзала, к трапу самолета подали длинный и желтый, как гусеница, автобус. Какая-то немка начала громко возмущаться.

– Das ist unmöglich,¹ – кричала она.

У паспортного контроля стояла очередь, человек, наверное, на двести. У очереди были большие баулы и постные лица. Стоек пограничного контроля было всего четыре, и на двух было написано: «Для лиц, имеющих российские паспорта», а на другой – «для прочих лиц».

Она подбежала к началу очереди.

– Oh so sorry! – сказала она седовласому дженльмену, переминавшемуся с ноги на ногу у расклевывшей бетонный пол черты. – I have to catch another plane. My daddy is waiting for me in Yakoutsck.²

Она улыбнулась, и седовласому дженльмену показалось, что под плохо освещенным потолком зажглась еще одна лампочка.

Разумеется, он пропустил ее.

* * *

Пограничник, проверявший документы, долго изучал ее красненький паспорт, а потом нажал на какую-то кнопку. Она испугалась. Она не была в России восемь лет, – восемь лет из прожитых на свете девятнадцати, – и две русские девушки, учившиеся вместе с ней в London School of Economics, рассказывали, что все неприятности в России начинаются тогда, когда какое-то должностное лицо нажимает на кнопку.

Когда рядом с ней появилась строгая сорокалетняя дама в черной юбке и белой кофте, она испугалась еще больше. Но дама только сказала:

– Вы Анна Семеновна Собинова? Разве вы не слышали объявления? Вас встречают в вёр-зале.

Анна с трудом поняла русскую речь.

– Ме? I?

Потом она просияла и чуть не бросилась на шею даме.

---

¹ Да это невозможно (нем.)

² Ой, извините! Мне надо к другому самолету, мой папа ждет меня в Якутске (англ.)

– Это daddy! – закричала она, – daddy сам приехал меня встретить! Вы увидите, все будет хорошо! Наконец все будет хорошо, я буду с ним, всегда буду с ним!

Она влетела в вип-зал, как шутиха, и завизжала:

– Daddy!

В зале все было очень чинно. Джентльмен в покойных креслах читал свежий номер «Таймс». Пожилая дама в удобных туфлях на низком каблуке и длинной юбке строчила на компьютере. Молодой человек, потягивая стакан пива, давал по мобильнику последние распоряжения насчет сделки.

Посередине зала стоял высокий сухощавый человек, очень старый – лет тридцати шести. У него были светлые волосы, высокие татарские скулы и глаза цвета горького шоколада. На нем был дорогой свитер и кожаный плащ от Kenzo, и когда Аня скосила глаза, она заметила, что на правой его руке нет пальцев, кроме большого и указательного. Рядом с беловолосым стояли двое в кожаных куртках.

– Daddy! – громко закричала Аня.

Она не могла поверить, что отец сам не приехал ее встречать. После восьми лет разлуки! После восьми лет Англии! Когда он приезжал в Англию, он всегда привозил ей игрушки и гулял вместе с ней по Regent Park. Он кормил лебедей и говорил, как опасно в Москве и как хорошо гулять по парку без охраны.

В Москве у него всегда была охрана.

Еще у него всегда были любовницы.

Именно любовницы и были главной причиной, почему жена с дочкой жили в роскошном доме в районе Бельгравии.

О, как она завидовала его любовницам! Они были такие красивые, она видела только одну, но они все должны были быть красивые, первоклассные, потому что отец не признавал некрасивых вещей.

Она специально занималась три года шейпингом. Как только ей исполнилось восемнадцать, она заплатила большие деньги за операцию по коррекции зрения, чтобы больше никогда не ходить в ненавистных очках. Она вытравила веснушки, и она покрасила свои ненавистные черные волосы в пепельно-белый цвет, такой же, какой был у девушки Вики, жившей с отцом в президентском номере Ritz'a.

И теперь, когда он ее позвал в Россию, он увидит, что она красивей всех его любовниц.

– Daddy!

Беловолосый шевельнулся, и Аня внезапно заметила, что волосы его, русые от природы, наполовину седы. До Ани долетели слова его спутника: «Она черненькая и в очках».

– Вы Собинова? – спросил беловолосый. Что-то в его крупном лице с жесткими глазами и жестким подбородком было неправильно: линию очевидной симметрии нарушал расплюснутый и как бы свернутый направо нос. Он плавным движением, каким полицейские в кино вырывают пистолет, достал из-за спины букет цветов. Белых орхидей. В Англии они стоили сумасшедшие деньги. Интересно, сколько они стоят в России? Ведь они, кажется, под Москвой не растут.

– Да. А вы... начальник охраны?

Аня не знала, почему она назвала беловолосого человека именно начальником охраны. Наверное, дело было в этом странно свернутом носе. Или во взгляде его спутников.

– Нет, – сказал человек, – я... акционер. Партнер. Станислав. То есть Стас.

Он глядел на Аню и как-то тревожно улыбался.

– Какой партнер? – спросила Аня. – У папы... не было никаких партнеров... только один, ну, которого убили. В позапрошлом году.

– В России трудно без партнеров, – сказал Стас.

Букет каким-то образом оказался в Аниных руках. Он обворожительно пах. Аня ткнулась в букет носом, подняла глаза и внезапно увидела, как Стас на нее смотрит: каким-то растерянным и очень жадным взглядом.

– А папа сам не мог меня встретить? – обиженно спросила Аня.

– Не мог, – ответил Стас, – его убили пять часов назад.

* * *

Спустя некоторое время – она не помнила, какое, – Аня оказалась на улице. Она стояла перед длинным «БМВ», блестящим, как кусок каменного угля, и стриженный парень в кожаной куртке придерживал перед ней заднюю дверцу.

Стас держал ее за плечи, спокойный и уверенный в себе. Его спутников прибавилось, их стало человек пять или шесть, они стояли, глядя в разные стороны, и глаза их, как локаторы, непрерывно обшаривали отведенный каждому сектор пространства, а чуть поодаль за ними, образуя второй рубеж, стояли несколько человек в иссера-белом камуфляже и с короткими тупорылыми автоматами.

Раньше Аня видела автоматы только в новостях. У лондонских бобби не было автоматов. У них даже не было поясов с расстегнутыми кобурами грубой кожи, кобурами, из которых торчали рубчатые рукояти машинок для убийства.

Аня села в машину, Стас запрыгнул на заднее сиденье с другой стороны, и «БМВ» рванул с места. Следом за ним покатались два джипа с белыми фарами и серебряными мордами, сверкавшими под каплями дождя.

– Куда тебя отвезти, – спросил Стас, – домой или в гостиницу?

Аня молчала. У охранника, сидевшего на переднем сиденье, были красные, смешно закрученные уши, и из-под воротника куртки высовывалась толстая золотая цепочка.

– Я все поняла, – вдруг сказала Аня, – вы похитители. Мой отец опоздал к самолету, а вы похитили меня и сейчас будете требовать выкуп. Но ведь он жив, а? Но ведь он жив?

Аня завизжала и вдруг вцепилась в Стаса.

– Он жив?

Она упала лицом вниз, в кожаное пальто Стаса. От него терпко пахло дорогими сигарами и дорогим одеколоном. Аня вдруг сообразила, что у Стаса сломан нос, а у охранника сломаны уши, и ей было совершенно непонятно, при каком это роде занятий человек может сломать сразу два уха.

– Он заплатит выкуп, слышите, любой выкуп...

– Тебя куда отвезти, – повторил Стас, – домой или в гостиницу?

– В морг, – сказала Аня, – отвезите меня в морг. Это так называется по-русски, да?

* * *

Когда машины, – черный «БМВ» с мигалкой и джипы сопровождения, – остановились у желтого здания где-то на задворках трамвайных путей и больничных дворов, было одиннадцать вечера. Из джипов сопровождения высыпала охрана Стаса и соборвцы.

Стас остался сидеть в машине, а человек с переднего сиденья вышел и постучался в дверь здания. Аня отвернулась.

– Пошли, – сказал Стас, когда охранник вернулся.

Желтые лампы в коридоре морга гудели как шмели, и от гранитных стен несло мертвечиной.

Отца выкатили на каталке в маленькую комнатку. В комнатке был застеленный диван и колченогий стол. На столе была разложена газетка, и студент из первого медицинского ел на

газетке колбасу и запивал ее пивом. Каталка не пролезала в дверь, студент оставил колбасу и помог прозектору, а потом вернулся к еде.

– Вскрытие было? – спросил Стас.

– Не, – ответил студент. – Завтра будут вскрывать. А чего вскрывать-то? Диагноз, что ли, неясный?

Тело отца было в черном мешке, похожем на тот, в котором в Лондоне возят мусор. Прозектор раздернул молнию на мешке, и Аня заглянула внутрь.

– Как его убили? – спросила Аня.

– Он когда с дачи едет, там такая асфальтовая дорожка, где-то метров семьсот, и не все участки просматриваются. Около выезда на шоссе лежаладохлая собака. Собака была наспигована взрывчаткой. Погибли трое: Семен, водитель и охранник.

Стас и его люди двигались по моргу легко и бесшумно и были более привычны к смерти, чем студент, который ел колбасу. Кожаное пальто Стаса было одного цвета с его глазами.

– Похороны послезавтра, – сказал Стас, садясь вместе с ней в машину, – все расходы на мне. Если что, сразу обращайся ко мне за помощью.

Кортеж мчался по загородной дороге, ослепляя дальним светом шарахающихся от него ментов. На мгновение мелькнул указатель «Жуковка».

– Кто его убил? – спросила Анна.

Стас пожал плечами.

– Много было желающих... Кстати, со следователями тебе общаться не надо.

– Почему? Я ничего не знаю.

– Ну вот и не общайся. Это мой дружеский совет, – повторил Стас.

* * *

Дача отца пряталась в самом дальнем конце узкой дороги, обсыпанной желтыми мокрыми листьями. У ворот дачи был караульный домик, и из него вышел человек в камуфляже и с автоматом.

Человек в камуфляже внимательно осмотрел гостей и что-то скомандовал в рацию. Ворота растворились, и Аня увидела заасфальтированный пяточок, освещенный прожекторами, и уходящие ввысь рублевские сосны.

«БМВ» медленно покатился по дорожке и остановился у трехэтажного особняка с башенкой и островерхой крышей.

На стене прихожей висели две шкуры: медведь справа и зебра – слева. Откуда-то громко говорил телевизор, и первой к гостям вышла опрятная полная женщина в переднике и резиновых китайских шлепанцах – видимо, экономка.

В гостиной сидела и пила чай красивая девушка в синих джинсах и белом пушистом свитере. Она была года на три старше Ани. У девушки были бездонные синие глаза и шапка темных блестящих волос. Она была тоненькая и высокая, как крик сойки.

– О, Стасик! – сказала девушка, вставая. – Вот уж кого не ждали. А это кто – твоя новенькая?

Стас усмехнулся. Аня подошла к девушке вплотную. Она была ниже девушки на полголовы.

– Вы расписаны? – спросила Аня.

– Что?

– Вы и мой отец – были расписаны?

Девушка расхохоталась.

– Вон, – сказала Аня.

– Что?

Аня вцепилась ей в свитер, как коршун в цыпленка.

– Вон из моего дома! – завизжала она.

Стас прислонился к притолоке и улыбнулся.

– Отцовская кровь, – сказал он охраннику.

Девушка выдралась из рук Ани и бросилась вверх по лестнице. Аня поймала ее за брючину. Девушка чуть не упала.

– Куда? – закричала Аня.

– Дура, за вещами!

Аня метнулась к столу и схватила там первое, что попало под руку, – двузубую маленькую вилку, которой накалывают маслины.

– Вон! Вон немедленно! – закричала она, замахиваясь вилкой.

Девушка взвизгнула, как кошка, брошенная под трамвай. Чьи-то крепкие руки обхватили Аню. На одной из них не было пальцев, кроме большого и указательного.

– Тише, – сказал Стас, – у девочки убили отца. Миш, отвези Маньку.

Маня мышью проскользнула в прихожую. За ней последовал один из охранников Стаса. Стас развернул Аню к себе и стал разгибать ее пальцы.

– Все, – сказал Стас, – Маня уехала. Мани здесь больше нет. А вилку отдай. Вилкой человека убивать неудобно.

Аня уткнулась в кожаный плащ и зарыдала.

* * *

Когда Аня проснулась, было уже десять часов утра. Она никогда так поздно не просыпалась. Наверное, это было потому, что в Лондоне было всего семь. Дождь перестал, и сквозь мокрые ноябрьские сосны проглядывало встающее солнце.

Было очень странно – папы нет, а солнце по-прежнему восходит.

Аня оделась и сошла вниз, в гостиную, и оттуда – в зимний сад. Двери в зимнем саду открывались наружу, Аня толкнулась в них и вышла во двор.

Вдалеке дворник сметал с черного асфальта желтые листья, да около ворот маялся охранник с автоматом.

Аня подошла к охраннику и спросила:

– Вы бандиты?

– Не, – удивился охранник, – мы СОБР. А вон те – не СОБР.

Аня повернула голову и увидела двух ребят, играющих в футбол. Кажется, вчера они были в машине сопровождения.

– Их Стас оставил, – добавил охранник, – сказал, чтобы вы без них никуда не ездили.

Ребята подошли поближе. При свете дня они были симпатичные и совсем не страшные, только очень уж коротко стриженные. На улице было уже холодно, и ребята были в теплых тренировочных фуфайках и перчатках.

– Игорь, – представился тот, что подлинней, – я раньше вашего отца возил, Анна Семеновна, – а это у нас Баклажан. Ой, то есть Петя.

Игорю было лет двадцать пять, он был очень хорошо развит физически, но, странное дело, производил впечатление почти ребенка. И дело было не в его круглом лице и веснушчатом носе, а скорее в удивительном простодушии карих глаз. Второй был совсем смешной, маленький и гибкий, как тринадцатилетний мальчишка, и в перепачканных рукавичках он сжимал футбольный мяч.

– Проводите меня, – сказала Аня, – до того места, где его взорвали. Это ведь недалеко?

Ребята переглянулись, потом кивнули.

* * *

На месте, где взорвали отца, был иссеченный осколками асфальт и много-много битого стекла. Машину уже увезли, а кровь, наверное, смыл дождь. Пока Аня лазила по кустам, мимо нее проехала белая серебристая «Мазда». Игорь и Петя напряглись, но «Мазда» чуть притормозила и проехала мимо.

Когда Аня вернулась домой, «мазда» стояла на асфальтированном пятачке перед домом, а в гостиной пил чай улыбочивый молодой человек в черном свитере и черных брюках.

– Здравствуйте, – сказал человек, – я следователь Арлазов. Николай Арлазов. Вас ведь Маша зовут, если не ошибаюсь.

– Меня зовут Аня.

– А, ну все равно. Вы давно проживаете с покойным?

– Я его дочь.

Следователь смутился.

– А... э...

– Я ее вчера выгнала, – сказала Аня, – приехала из Англии и выгнала.

– А вы... много времени провели в Англии?

– Восемь лет.

– И вы восемь лет не видели отца?

– Он приезжал в Англию. Пять раз.

Отец приезжал чаще. Гораздо чаще. Но виделась она с ним только пять раз.

Аня взяла стул и села напротив следователя.

– Вы жили с матерью?

– Да.

– И почему вы приехали сюда?

Аня вспомнила вчерашнее предупреждение Стаса – «не общаться со следователями».

Ну и пусть. Стас ей не отец.

– Он попросил меня приехать.

– А мать?

– Она умерла год назад.

– Отец вам написал? Или позвонил?

– Он позвонил. Вчера. Попросил меня прилететь. Ну, я поехала в аэропорт и прилетела.

– Вы прилетели лондонским рейсом? – спросил следователь.

– Нет. Лондонский рейс уже улетел. Я посмотрела, что если я куплю билет во Франкфурт, я из Франкфурта успею сделать connection до Москвы. Я прилетела из Франкфурта.

Следователь взглянул на нее с внезапным подозрением.

– Он позвонил вам домой?

– Нет. На мобильный.

– И где вы были?

– В LSE. London School of Economics.

– И вы не заезжали домой?

– Нет, я поехала в аэропорт.

– Что же он такое вам сказал?

– Ничего. Просто попросил приехать.

– Простите, Анна Семеновна, но это нелогично. Ваш отец позвонил вам, когда вы были на занятиях. По вашим словам, вы, не заезжая домой, бросились в аэропорт. Багажа у вас с собой нет?

– Нет.

В Heathrow ее досмотрели очень тщательно, потому что у нее не было багажа.

– Ну вот видите. Вы помчались в аэропорт сломя голову, даже не узнав, не опоздали ли вы на московский рейс, и в результате летели с пересадкой. А вы говорите, что отец вам ни о чем не сказал.

– Он просто попросил приехать.

Теперь Анна поняла, о чем говорил Стас, когда советовал не разговаривать с полицией. Она рассказала следователю чистую правду. Отец позвонил и попросил ее приехать. У него был совершенно спокойный голос. Он даже не сказал «приезжай немедленно». Он сказал: «Я хотел бы тебя повидать». Она спросила: «Когда?». Он ответил: «Хоть завтра».

Она ждала этого звонка восемь лет. Шесть раз по триста шестьдесят пять дней и два раза по триста шестьдесят шесть. И в каждом дне было двадцать четыре часа, в каждом часе было шестьдесят минут, и каждую минуту она ждала этого звонка. Поэтому она взяла такси и поехала в Хитроу. Следователь никого не ждал восемь лет. И поэтому ему казалось, что отец сказал ей что-то очень важное. Небывалое.

Конечно, небывалое. Он сказал: «Мне надо тебя видеть».

– Вас встречали в аэропорту? – спросил следователь Арлазов.

– Да.

– Кто?

– Не знаю, – ответила Аня, – по-моему, какие-то сотрудники отца. Я... я не помню. Они сразу сказали, что его... больше нет.

– Как звали сотрудника?

– Я... не помню.

Следователь Арлазов смотрел на нее с удвоенным подозрением. Аня поняла, что сделала еще одну глупость. Следователь наверняка узнает, кто привез ее на дачу. Вон, охранники скажут. Которые у ворот. Стас с его черным «БМВ» и охранниками в снежно-сером камуфляже не тянул на сотрудника отца. Вряд ли он даже был его партнером. Партнер – это английское слово. А для таких отношений, что были между отцом и Стасом, английских слов, вероятно, нет. Потому что в Англии нет таких отношений.

Следователь решит, что Стас запугал ее.

– У вас есть какие-нибудь предположения, кто мог его заказать? – спросил следователь Арлазов.

– Заказать? В каком смысле – заказать?

Она не знала этого слова. Она слишком долго прожила в Англии.

– Заказать – в смысле убить, – пояснил следователь.

– Нет.

Следователь посмотрел на нее и сказал:

– Ну что же, я поехал. Спасибо за чай.

Аня вышла проводить его на крыльцо. Дождь прекратился. Охранники, оставленные Стасом, играли в футбол с водителем «мазды».

– А вы... как вы думаете, кто его... убил? – спросила Аня.

– Не знаю, – сказал следователь, – но вообще бизнесменов очень часто убивают их «крыша». Особенно если это очень крупные бизнесмены. И очень крупная «крыша». Такая, что считается уже не «крышей», а партнером.

* * *

Следователь Арлазов на серебристой «мазде» уехал, Аня проводила его и поднялась на второй этаж.

Кабинет отца располагался в самом конце холла. Паркет в кабинете был как лед на горном озере, в сверкающих лаком половицах отражалась лепнина на потолке и тяжелые, в форме львиных лап, ножки старинного письменного стола. Высокие окна протянулись от пола до потолка, и стекла их отливали мрачной синевой: уже потом Аня поняла, что стекла были бронированные.

Сейф около телевизора был отделан породистым темно-бордовым деревом и уставлен фотографиями в серебряных рамках. На одной из фотографий были отец и Стас. Стас искоса глядел на ее отца, положив ему руку на плечо, и крупный хищный его рот улыбался. Несмотря на то что они сидели, было видно, что Стас выше ее отца на голову.

Дверца сейфа была перехвачена белой полоской, в замке торчал ключ. Аня повернула ключ, и сейф отворился. Внутри лежали какие-то бумаги и пачки наличных денег. Денег, по меркам Ани, было очень много. Пять пачек. Пятьдесят тысяч.

Аня закрыла сейф на ключ, положила ключ в карман и спустилась вниз, в гостиную. Гостиная в доме была огромная, метров с полсотни и больше, и справа к ней был пристроен двусветный зимний сад. Можно было стоять на втором этаже и любоваться на листья пальм, изящные, как веера гейш. Дверь слева вела в кухню, и из-под этой двери сочились вкусные запахи.

Аня толкнула дверь.

Кухня была большая и сверкала чистотой. На плите в пузырях масла скворчали картофельные оладьи, возле оладий хлопотала полная женщина в синем переднике. У ног женщины терлись два кота. На звук открывающейся двери женщина повернула голову, и Аня увидела, что лицо у нее доброе и морщинистое, как скорлупа грецкого ореха.

– Там в кабинете... сейф опечатанный, – спросила Аня. – Кто обыскивал дом? Следователи?

– Нет, следователи дом не обыскивали, – сказала женщина. – Так, приезжали... как все случилось. А потом появился Станислав Андреевич, и они сразу ушли.

– А... Станислав Андреевич давно уехал? – спросила Аня.

– Часа в четыре, – ответила женщина.

– Поздно, – сказала Аня.

– Для него не поздно. Он раньше пяти не ложится.

– А он часто здесь бывал?

– Ну, бывал. Когда блядки бывали, приезжал. Он двух пацанов оставил. Сказал, если из дома кто хоть ложку унесет, по рогам получит.

– А кто еще дома живет? Кроме отца?

– Я и муж, – сказала женщина. – Меня Лида зовут, а мужа Коля. Мы во-он в сторожке живем, рядом с охранниками. Я экономка, а он шофер.

– Как – шофер? – спросила Аня, – шофер ведь тоже...

– Бог моего Колю сберег, – с чувством сказала пожилая украинка, – его вчера Семен Аркадьевич новое радио ставить усла. А из офиса другую машину прислали. Наша-то бронированная, а ту-то вон, весь низ вынесло. Как дуршлаг, чистое слово. И Семен Аркадьича, и Мишу, и другого водителя – всех на месте... Коля-то вчера на радостях, ты уж извини...

– Радио в машине поставили?

– Дак... поставили, Анечка.

– Велите Коле приготовить машину. Я еду в офис.

– Анечка, – сказала Лида, – ну зачем тебе в офис? Ты поплачь, отдохни...

– Вы не понимаете, – сказала Аня. – Я – наследница.

* * *

В том году в Москве было уже полно новых офисных зданий, – огромных и стеклянных, как в Сити. Арендаторам там предлагалась вся мыслимая инфраструктура – начиная от службы безопасности и связи и кончая ресторанами на первых этажах.

Однако компания Семена Собинова занимала небольшой трехэтажный особнячок в заарбатских переулках. На воротах особнячка не было никаких вывесок, а там, где обыкновенно висит табличка с названием улицы и номером дома, с кронштейна таращилась видеокамера.

Когда «Мерседес» с Аней въезжал в ворота, она невольно подумала, сколько же стоили отцу дополнительные расходы по самостоятельному содержанию охраны, обеспечению связи, доступа в Интернет и так далее. Ане показалось, что свой особняк – это куда менее выгодно, чем аренда современного офиса. Это была вполне естественная мысль для студентки Лондонской школы экономики.

К улице особняк был повернут спиной и скромной калиткой. Парадный вход располагался во дворе. Мраморные ступени вели к круглым стеклянным шлюзам, напоминающим пуленепробиваемые барокамеры, и сквозь эти шлюзы, как сквозь двери рая, посетитель видел фонтан в холле и фотографически-неподвижных охранников.

Аня не видела таких шлюзов даже в Сити. Чтобы пройти сквозь них, посетителю надо было при помощи выданной тут же карточки отворить одну из дверей и потом ждать, пока подозрительная аппаратура не изучит тебя и не выдаст добро: только после этого отворялась вторая дверь. Сумки надо было сдавать отдельно.

Однако при виде спутников Ани охранники заблокировали шлюзы в положении «открыто» и не спросили ни у кого документы. Один из сопровождающих остался болтать с охранниками, другой проводил ее на третий этаж: там, отдельно от всех помещений здания, располагалась приемная ее отца с белозубой секретаршей.

Возле двери кабинета черным по латуни было вырезано «Семен Аркадьевич Собинов. Генеральный директор АО «Авиарусь».

В кабинете был письменный стол, аквариум с пираньями и сто квадратных метров паркета, бронзы и красного дерева. В углу, как роstralная колонна, высился сейф. Стол был занят – за ним сидел человек, похожий на крысу в галстуке. Перед человеком на тонкой бронзовой ножке стоял белоснежный самолет с надписью «Авиарусь».

Аня подошла к человеку вплотную. Почему-то она глядела на него снизу вверх, хотя он сидел, а она стояла.

– Здравствуйте, – сказала Аня, – вы Семен Собинов?

– Нет, – ответил человек, – меня зовут Алексей Измайлович Защека, и я исполняю обязанности...

– Тогда уберите из этого кресла, – сказала Аня.

Шея Защеки от изумления вылезла из галстука.

– Но позвольте... почему?

– Потому что это кресло Собинова и я его дочь.

Защека встал.

– Это заметно, – сказал он.

– Кто назначил вас исполняющим обязанности?

– Собственно, никто. Но на четыре назначен совет директоров...

– Кто, по российскому законодательству, назначает генерального директора: совет директоров или собрание акционеров?

Защека сморгнул.

– В этой компании... совет директоров.

– В таком случае потрудитесь объяснить совету директоров, что генеральным директором буду я. А до четырех часов я буду исполнять обязанности.

Защетка пожал плечами.

– С великим удовольствием, Анна Семеновна, – сказал он, – а простите, нас в переговорной посетители ждут. С ними кто будет общаться – я или тоже вы?

– Разумеется, я, – сказала Аня.

Защетка помолчал и нажал на селектор.

– Вика, – сказал он, – там Зубицкий в нижней переговорной, пусть поднимется.

Поклонился и вышел из кабинета.

* * *

Посетителей оказалось трое. Двое были в серых пиджаках, белых рубашках и подобранных в тон галстуках. Они напоминали репринт одного и того же издания, напечатанного пятьдесят и двадцать лет назад. Третий был угрюмый сорокалетний человек с бритой головой и вытатуированными на пальцах перстнями.

– Зубицкий Михаил Александрович, – представился тот экземпляр, которому было пятьдесят.

– Зубицкий Игорь Михайлович, – представился тот, кому двадцать.

– Анна Собинова, – сказала Аня.

Третий, в перстнях, не представился никак.

Аня усадила всех троих за круглый столик для совещаний, как раз около аквариума с пираньями. Все расселись куда как, и только человек в перстнях обошел стол и уселся лицом ко входу.

– Чаю? – спросила Аня.

Посетители кивнули. Аня нажала кнопку, и вошла секретарша Вика.

– Принесите чай, – сказала Аня, – вам какой? Черный? Зеленый?

– Зеленый, – сказал старший.

– Черный, – сказал младший.

– А у вас чай в пакетиках? – спросил тот, который с перстнями.

Секретарша кивнула.

– Мне, пожалуйста, полчашечки кипятка, а остальное – пакетики.

Аня посмотрела на свое отражение в аквариуме с пираньями и вдруг поняла, что она одета не очень хорошо. На ней были футболка и джинсы, в которых она прилетела из Лондона. Это была очень правильная одежда для студентки Лондонской школы экономики, но Аня не была уверена, что эта одежда подходит для стометрового офиса с дворцовым паркетом и южноамериканскими пираньями. Кроме того, это была не траурная одежда.

Наступила неловкая пауза, в течение которой человек с перстнями наблюдал за пираньями, а Зубицкий-старший смотрел на Аню. Он смотрел на нее так, что Аня невольно снова покосилась на аквариум, чтобы проверить, не порвалась ли ее футболка на груди.

Никто не имел права так на нее смотреть!

Особенно когда отец мертв!

Зубицкий Ане страшно не понравился, но еще больше ей не понравился человек, который попросил полчашки кипятка. А остальное – пакетиками. Она вспомнила, как это называется. Чифир. Да, чифир, очень густо заваренный чай. Этот чай пьют в тюрьме. Значит, этот человек был в тюрьме. Спрашивается, зачем этот человек пришел вместе с кредиторами ее отца?

Надо было что-то делать, но что? Аня вспомнила, что Стас предлагал ей свою помощь. Можно было встать, выйти в комнату отдыха и набрать номер Стаса. А можно было попросить

подняться в кабинет тех двух парней, Игоря и Петю. Но это означало – сдаться. И с самого начала отказаться от самостоятельного расследования. А если это Стас убил ее отца? Как она может просить его о помощи?

Послышался цокот каблучков, и в кабинет вошла секретарша с подносом. На подносе стояли два чайничка с чаем и стакан с чифирем.

Секретарша Вика расставила чашки, очень-очень сладко улыбнулась Зубицкому-младшему и вышла. По ее походке было видно, что она принимает пол этого кабинета за подиум. Наверное, отцу это нравилось. Аня про себя порешила секретаршу уволить.

Зубицкий-старший налил себе чашку и откашлялся перед разговором.

– Простите, – сказала Аня, – вы все... от одной организации?

– Да.

– А я одна. Мой отец не советовал мне вести переговоры, если я одна, а собеседников – трое. Поэтому у меня предложение – либо мы переговорим с вами вдвоем, либо, – Аня широко улыбнулась и очень пристально взглянула на человека, пившего пакетики от чая, – с моей стороны нас тоже будет трое.

Зубицкий и человек с перстнями переглянулись. Человек с перстнями еле заметно поднял брови. Зубицкие вышли из кабинета, как игрок, удаленный с поля по свистку судьи.

– Олег, – сказал человек с перстнями.

– А?

– Если Стас будет спрашивать, кто приходил, скажи, что приходил Олег Васильевич.

– Что вам надо от компании?

– Денег.

– Сколько?

У Олега Васильевича были очень странные глаза. Нельзя сказать, чтобы они бегали. Скорее они походили на локаторы, которые медленно обследовали все узловые точки комнаты – и вместе с тем всегда смотрели прямо на Аню.

– Три миллиона, без штрафов и пеней. За поставленный керосин. Акты сверки возьмешь у коммерсантов, – последовал кивок в сторону дверей. – Два миллиона девятьсот шестьдесят тысяч, если быть точным.

– Акты сверки? Это... за сколько?

– За два года. Больше мы ждать не намерены.

– А почему вы раньше ждали?

– Раньше в компании денег не было. Теперь есть. За самолеты.

– За какие самолеты?

– Твой отец продал самолеты. Три старых «Ила», три Ту-154, десять новых Ту-204. Покупатель – авиакомпания «Скайгейт». Васька Никитин. Он уже летает по этим маршрутам.

Слово SkyGate было произнесено с неподражаемым рязанским выговором. Судя по акценту, Олег Васильевич не знал не только английского языка, но и латинского алфавита.

– Отец продал четырнадцать самолетов? Но это... это весь бизнес!

– В общем да.

– А почему он тогда не продал компанию?

– Если бы он продал компанию, «Скайгейт» вместе с самолетами получил бы долги. А долги у твоей компании больше активов. Так что это такой способ отделаться от кредиторов. Он же получал лавэ не на компанию. А на оффшорку.

Олег Васильевич помолчал, потом улыбнулся.

– Только нам безразлично, где эти деньги – здесь или на оффшорке. Главное, что они есть. И если нам даже сейчас не заплатят, мы будем считать эти долги безнадежными. А когда кредитор понимает, что долгов получить нельзя... все самое страшное случается из-за безнадежных долгов, ты меня понимаешь, Аня?

Аня понимала. Аня не понимала другое. Ее отец был замечательный, умный человек. Он был самым проницательным бизнесменом. Он был ловок, все говорили. Как же так получилось, что он в течение двух лет не платил за топливо для самолетов? Или не доплачивал, по крайней мере?

И сколько еще таких долгов?

Господи боже мой! Господи мой боже! Ане отчаянно хотелось убежать в другую комнату и позвонить Стасу.

А еще больше ей хотелось убежать и позвонить отцу. Если бы это было возможно.

– Олег Васильевич, – сказала Аня, – я правильно понимаю, что компания должна многим и очень многим?

– Да.

– И ни денег, ни активов у нее нет, потому что активы проданы компании SkyGate, а деньги от сделки попали не в Россию, а в оффшор?

Олег Васильевич кивнул.

– То есть если вместо того, чтобы сидеть здесь и угрожать, вы предъявите мне иск и обанкротите компанию, то вы окажетесь одним из сотен кредиторов, дерущихся за сомнительную честь поделить между собой обстановку вот этого кабинета, которая, хотя и роскошная, но на три миллиона не тянет?

Олег Васильевич откинулся на стуле и скрестил руки на груди.

– А ты быстро соображаешь, – сказал он, – для семнадцатилетней пацанки.

– Мне девятнадцать, – гордо сказала Аня. – Вы же не можете получить эти долги законным путем? А я не могу выплатить все долги, сколько бы я ни старалась?

– Допустим.

– Вы угрожаете убить меня, если я не верну долг. Ну так меня же все равно убьют? Не за первую половину долга, так за вторую.

– Это твои проблемы.

– Нет, это ваши проблемы. Потому что если вы меня убьете, денег у вас не прибавится. Только на убийство потратитесь.

Олег Васильевич разглядывал рыбок.

– Если вы не могли получить эти деньги два года, значит, ваш долг не так уж дорого стоит, – сказала Анна, – Предлагаю так: я возьму эти документы, и если они не врут, то в течение недели вы получите миллион. Договорились?

Олег Васильевич думал не более двадцати секунд.

– Договорились, – сказал он.

Он был уже около аквариума, когда Аня внезапно сказала:

– А у отца были безнадежные долги?

– А?

– Вы говорите, что убивают только за безнадежные долги. Так были ли люди, которые уже отчаялись получить от отца деньги?

– Аэропорт «Международный». Эдик Каменецкий. Он судился за долги. И проиграл.

* * *

Оставшись одна, Аня задумчиво прошлась по кабинету. Если бы в раю были кабинеты, то этот бы принадлежал не меньше чем Святому Петру.

Из кабинета вели три двери одна в приемную, а вторая – в переговорную комнату, тихую и безликую, с овальным стеклянным столом и светящимся потолком; за третьей дверью Аня ожидала найти туалет, но там был не туалет. Там был спортивный зал, с тренажерами, зеркалами и большим кожаным диваном. Диван, видимо, тоже числился как тренажер.

Ванная была дальше. Душевая кабина с электронными табло и водонепроницаемым телефоном походила на капсулу «Шаттла».

Аня вернулась в кабинет. Она отражалась в паркете, аквариуме и бронированных окнах. Худенькая, беленькая и в рваных джинсах. Зачем она перекрасилась в блондинку? Это Лиза, с которой отец был в «Ритце» три года назад, была блондинкой. А у вчерашней Марии были немыслимо короткие волосы и искусно растрепанная челка. Темно-коричневая, чуть посветлее, чем волосы самой Ани еще месяц назад.

Аня села в отцовское кресло. Оно располагалось на возвышении, и Аня поняла, почему человек, стоявший по другую сторону стола, казался ниже человека, который сидел.

Некоторое время Аня изучала бумаги в ящиках, а потом подняла телефонную трубку и нажала на кнопку с надписью «Вика».

Секретарша вошла, улыбаясь дежурной улыбкой. Сейчас, когда мужчин не было, секретарша не так колыхала бедрами.

– У вас есть комбинация от сейфа? – спросила Аня.

– Нет. Во всей компании ее знал только Семен Аркадьевич.

Ане почему-то было страшно в этом кабинете. Каждую секунду казалось, что вот сейчас отворится дверь и войдет ее отец. Такой же бледный и холодный, как вчера.

Аня взглянула на часы.

– Мою машину ко входу, – сказала Аня, – и перенесите совет директоров на четыре тридцать. Где мои охранники?

– В столовой, – сказала секретарша, – обедают.

– Я выйду через переговорную. Не предупреждайте их, что я уехала.

* * *

Дверь отцовского «Мерседеса» была тяжелой, как люк бронетранспортера, и Бах из новых колонок звучал, как в консерватории. Было странно ехать и думать, что если бы отец не затеял менять аудиосистему, он был бы жив.

Было странно ехать в аэропорт всего через сутки после прилета.

По дороге Аня заехала в магазин. Ей надо было купить черные брюки и черный свитер, и тут выяснилась новая трудность. Во-первых, в магазине не принимали ее «Визу». Во-вторых, Аня вспомнила, что у нее на карточке довольно мало денег, а деньги из сейфа на даче она взять даже как-то не подумала.

Приемная генерального директора аэропорта «Международный» была сделана по последнему пisku моды времен Московской Олимпиады. За длинной конторкой трудились сразу четыре секретарши. Дверь кабинета была отделана светлым деревом.

– Вы к кому? – спросила одна из секретарш.

– К Каменецкому.

– Вам назначено?

– Скажите, что приехал генеральный директор компании «Авиарусь».

Секретарша очень внимательно оглядела Аню, потом поднялась из-за конторки и скрылась в двери кабинета. Она вернулась через минуту.

– Прошу, – сказала она.

Эдуард Каменецкий сидел в кабинете за длинным столом черного дерева. Каменецкому было лет шестьдесят, он был большой и удобный, и напоминал надувного мишку с седой шерсткой на голове и внимательными серыми глазами. Завидев Аню, он поспешно полез ей навстречу, запутался в ножках руководящего кресла и чуть не упал.

– Анна Семеновна Собинова, – сказала Аня.

Каменецкий открыл рот и закрыл его.

– Понятно, – сказал Каменецкий. – Мои соболезнования... А... э... кто вас назначил гендиректором?

– Я – владелец контрольного пакета, – ответила Аня.

Каменецкий нерешительно хлопал глазами.

– И что же вас привело ко мне?

– У моего отца было много кредиторов, но только вы судились с ним. Вы проиграли и были очень недовольны. А вчера его убили.

Каменецкий помолчал. Аня смотрела на его седые волосы и широкое лицо, источенное морщинами, как старый комод – жуком-древоточцем, и думала, что ее отец уже никогда не поседет. И у него никогда не будет столько морщин.

– Анечка, у вас... какой-то странный акцент. Вы...

– Последние годы я провела в Англии, – сказала Аня, – и я получила master of arts по экономике. Так что я знаю, кто такие кредиторы и что такое арбитраж.

– А, – сказал Каменецкий, – да, master of arts – это серьезно. Хотите чаю?

Чай был заварен и принесен хорошенькой секретаршей, и к чаю явились русские шоколадные конфеты и восхитительный зефир.

– Да, так насчет арбитража, – сказал Каменецкий, – я действительно судился с вашим отцом и действительно имел к нему претензии. Понимаете, он поссорился со своим аэропортом и попросился летать из нашего. Так как за Собиновым водится эта привычка – не платить, мы составили договор. В договоре было сказано, что Собинов рассчитывается с нами ежемесячно, а если он этого не делает, то мы можем забрать у него самолеты. Четыре Ту-154 и один Ил-96. «Ил» тянул на десятку, а «тушки» были старенькие, два-три миллиона долларов каждая. Это вполне перекрывало стоимость обслуживания «Авиаруси». Я подписал договор. Он не рассчитался.

– Но вы забрали самолеты?

– Видите ли, Анечка, с точки зрения авиакомпании, самолет – это то, что летает и перевозит груз. Или пассажиров. А с точки зрения юристов, самолет – это то, на чем имеется бортовой номер, номер двигателя, ну и еще парочка цифр. Собинов взял отданные в залог самолеты и содрал с них все, что можно. Все запчасти. От двигателей до стоек шасси. То, что осталось, он поставил к стеночке и сказал: «Забирайте». По моим прикидкам, только ремонт «Ила» обошелся бы нам в восемь миллионов долларов. Я обратился в суд и проиграл. В договоре указан борт номер такой-то? Да. Борт номер такой-то вам отдают? Да. Чего вы еще хотите? Формальный суд я проиграл, неформально мне обращаться... не хотелось. Знаете, тягаться с человеком, за которым стоит Стас, себе дороже. Так что Собинов полетал из нашего аэропорта полгода даром, а на съэкономленные деньги купил себе, говоря, яхту.

– Кто такой Стас? – спросила Аня.

– А вы еще не встречались?

– Нет, – быстро произнесла она.

– И не советую. Лучше езжайте в свою Англию и получите там очередную степень. Вы ведь, наверное, отличница?

– Кто такой Стас? – спросила Аня. – Вам... угрожали? После арбитража?

– Нет, – ответил Каменецкий, – мне не угрожали. Когда собираются стрелять, никогда не угрожают. У вашего отца убили двух партнеров, и, насколько я знаю, им никто перед этим не угрожал.

Аня помолчала.

– Бизнес моего отца купила компания SkyGate. Кто это такие?

– Это один из его главных конкурентов. Фактический владелец аэропорта «Елизарово». Создана с нуля, раньше была грузовая компания, теперь вот – и пассажирская.

– Большая?

– С этой покупкой она станет второй по величине в России. После «Аэрофлота». Владельца компании зовут Василий Никитин. Ему тридцать четыре года, из них полтора он провел в федеральном розыске.

– За что?

– Почему бы вам не спросить это у самого Никитина? Могу подсказать телефон.

Аня встала.

– Подскажите адрес.

* * *

Аэропорт «Елизарово» находился с другой стороны Москвы и сверкал металлом и бетоном. После замызанного «Международного» он напоминал кусочек Heathrow, переведенный на русский язык.

Аня стояла в приемной Василия Никитина. Сквозь огромное, во всю стену, окно, был виден Ту-204. Вокруг белоснежного самолета сутились механики в рыжем. Они были как муравьи вокруг куска сахара. Судя по бортовому номеру, это был ТУ-204, принадлежавший ее отцу.

– Анна Семеновна? Мои соболезнования. Я Никитин.

Аня обернулась.

Василий Никитин был молод и выглядел еще моложе. У него были голубые легированные глаза и волосы цвета речного песка. Он был подтянут и деловит, как породистый скотч-терьер, и со своим открытым лицом и жестким взглядом он мог бы хоть сейчас сниматься в рекламе любого западного банка, если бы не одежда. Вместо стандартной униформы западного менеджера, – белая рубашка, строгий костюм, – на нем был мягкий серый свитер и рыжая куртка в крапинках дождя. Хозяин бизнеса мог позволить себе одеваться не так, как его слуги.

Никитин распахнул перед Аней дверь кабинета, и проворно вбежавшая за ними секретарша положила Никитину на стол несколько бумаг. Никитин проглядел их, вынул из кармана платиновую ручку, поставил подпись.

– Уволить, – сказал Никитин, – никаких «по собственному желанию».

Секретарша кивнула и ушла. Аня вопросительно подняла брови.

– Топливо, – пояснил Никитин, – воруют.

– Что – топливо?

– Пилоты воруют топливо. Сливают излишки после заправки, разницу пилат с заправщиком. А потом орут: «Мне на второй круг нельзя, у меня топлива нет». Везде воруют. Кроме этого аэропорта.

– А у вас почему не воруют?

– Потому что я за это увольняю заправщиков. На месте.

Никитин улыбнулся неожиданной мальчишеской улыбкой, нажал на громкую связь и спросил:

– Чаю? Кофе?

Выслушал ответ и распорядился:

– Два кофе.

Аня осторожно уселась в кожаное кресло напротив Никитина.

– Этот Ту-204, – спросила Аня, – это был моего отца?

– Да, – сказал Никитин, – «двести четвертые» вообще были только у вашего отца. Больше ни у кого их не было. У «Внучки» есть две штуки, но они не летают.

– Вы купили весь бизнес отца?

– Ну, не совсем так, Анна Семеновна. Бизнес вашего отца был кидать поставщиков и не платить по долгам. Вот долги я ему оставил. А все остальное да, купил.

Дверь офиса отворилась, и секретарша в строгом черном костюме поставила перед собеседниками по чашечке кофе. Она двигалась, как помесь балерины и робота. Дверь за секретаршей захлопнулась, и Аня спросила:

– Это правда, что вы полтора года были в федеральном розыске?

– Неправда. Где-то месяцев восемь.

– За что?

– За мошенничество, совершенное в то время, пока я руководил компанией «Авиарусь».

– Вы были хозяином «Авиаруси»?!

– Нет. Генеральным директором. Я заплатил два миллиона долларов некой фирме, которая должна нам была поставить керосин и не поставила. Фирма была с Антильских островов, что ли. Ваш отец написал в прокуратуру заявление. Утверждал, что моя подпись стоит под заведомо липовой сделкой.

– Эта антильская фирма, это был ваш оффшор?

– Это был оффшор вашего отца, – сказал Никитин.

– Моего отца?! И мой отец за это подал на вас в суд?

Молодой хозяин «Скайгейт» пожал плечами.

– Ну это же довольно естественно, Аня? Он знал, что сделка липовая, знал, что деньги ушли в оффшор и что под этим стоит моя подпись. Почему бы не возбудить дело?

– А зачем ему нужно было дело против вас?

Никитин улыбнулся. Очень широко и очень натурально, и Аня увидела его зубы, белые и крупные, как и полагается скотч-терьеру.

– Ваш отец пригласил меня в «Авиарусь» семь лет назад. Компания лежала на боку, потому что ваш отец вынул из нее все деньги. Куча народу хотела купить ее даром. Чтобы продать ее дорого, надо было либо вкладывать в компанию средства, либо нанимать хороших менеджеров. Ваш отец не понимал, что компании – это то, во что вкладывают деньги, в его понимании компания – это то, что из чего деньги крадут. Поэтому он решил ограничиться хорошим менеджером. Он пригласил меня. У меня уже тогда были репутация и имя. Мои друзья дали мне деньги под проект, а я вложил их в «Авиарусь». Я вложил больше пяти миллионов долларов. Все это подняло стоимость компании. Когда начались переговоры о продаже, я запротестовал. Я сказал, что компания нормальная, может летать – зачем ее продавать. Тогда ваш отец вышвырнул меня вон.

– А пять миллионов?

Никитин пожал плечами.

– А вот чтобы я не просил эти пять миллионов, ваш отец и завел против меня уголовное дело.

– Это было давно?

– Семь лет назад. Мне пришлось уехать из Москвы, я уехал в Китай. Сидел там, организовывал поставки китайского барахла. У нас было мало самолетов, мы брали их в аренду. У региональных компаний. Потом мы их стали покупать. Потом сделали SkyGate. Потом SkyGate купила активы «Авиаруси».

– И вы заплатили нормальную цену?

– Разумеется. Уж поверьте, ваш отец мне ни копейки ни сбросил.

– Можно узнать какую?

Молодой миллионер если и заколебался, то на мгновение.

– Разумеется. Восемьдесят пять миллионов долларов.

Аня невольно почувствовала облегчение. За эти деньги она сумеет расплатиться с кредиторами. Вот, она даже страшного Олега Васильевича уговорила на скидку в семьдесят процентов. Если другие кредиторы согласятся хотя бы на пятьдесят процентов, у компании еще

останутся деньги и самолеты, чтобы летать. Все нормально. Она не даст «Авиаруси» умереть. Она продолжит дело отца.

И она найдет его убийц.

Для этого ей и нужны деньги, потому что с деньгами убийц найти проще.

Дверь отворилась, и опять появилась секретарша Никитина. В руках ее была новая папка. Никитин пробежал глазами листки. Он читал со скоростью сканера.

– Уволить, – сказал Никитин, подчеркнув в одном из листков жирной красной чертой.

– Опять топливо? – спросила Аня.

– Нет. Разговоры. Мы пишем все разговоры агентов с клиентами. Мы предупреждаем агентов: нельзя хамить клиентам. Клиент всегда прав. Моя компания называется не универсам «Советский». Моя компания называется SkyGate. Те, кто не соответствует уровню моей компании, могут идти работать в универсам.

Никитин поднялся, подавая Ане белую холодную руку:

– А сейчас прошу меня извинить. У меня совет директоров.

* * *

У служебного выхода из дирекции аэропорта Аня чуть не столкнулась со своим собственным охранником, Игорем. Тем самым, которого она оставила в «Авиаруси».

Игорь стоял у ее «Мерседеса» и открывал заднюю дверь, и когда он увидел Аню, то чуть не выронил мороженое, которое держал в руках. Мороженое было в вафельных стаканчиках, и стаканчиков было штук пять.

Тут же с переднего сиденья пулей выскочил маленький верткий Баклажан и отворил перед Аней заднюю дверь.

Аня посмотрела сначала на веснушчатое лицо Игоря, потом на стаканчики. Когда ей было шесть лет, это мороженое стоило девятнадцать копеек, и это было самое вкусное мороженое на свете. Аня внезапно вспомнила, что ничего не ела, если не считать печенья в кабинете Каменецкого.

– Хотите? – сказал Игорь, и протянул ей горсть стаканчиков. Все пять стаканчиков спокойно умещались в широкой, как ковш, горсти.

Аня улыbnулась и взяла один стаканчик.

– Анна Семеновна, – жалобно сказал Игорь, – вы попросите, чтобы нас сменили, а? Вы вот без охраны уехали, а нам Станислав Андреевич так по ушам даст. И Петров тоже даст.

Петровым звали начальника службы безопасности «Авиаруси».

– А вы долго охраняли моего отца? – спросила Аня Игоря, когда они ехали обратно в Москву.

– Долго, – сказал Игорь, – почти год. А потом мы с Дмитрием Ивановичем стали ездить. А себе он собровцев взял.

– Повезло нам, – сказал Игорь, откусив полвафельного стаканчика, – Семен Аркадьич ведь нашу машину взял. Ну, когда взорвался. А нас не взял.

– А как получилось, что отец поехал в офис на чужой машине? – спросила Аня.

Игорь с увлечением приканчивал мороженое.

– А черт его знает, чинили что-то. Нам утром говорят: возьмите разъездной джип и езжайте за Дмитрием Ивановичем. А ваша хозяйина повезет.

Руки Игоря из-за холода были в черных нитяных перчатках. Одна перчатка прохудилась, и сквозь нее был виден большой палец с обкусанным розовым ногтем. Он казался совсем мальчишкой, с детским веснушчатым лицом, но Аня почему-то вспомнила, с какой легкостью Игорь распахнул перед ней тяжелую дверцу бронированной машины.

– Прикинь, – сказал Игорь, – у водителя-то ноги оторвало. Одна кочерыжка от мужика осталась. А у него дочке полтора месяца.

* * *

Аня вернулась в офис к шести. Вечерняя Москва оплывала мокрыми огнями и стояла в пробках.

Следователь Николай Арлазов болтал в предбаннике с секретаршей Викой. Вика ненатурально смеялась и строила ему глазки.

– Здравствуйте, – сказал следователь, – вот, выясняю, кто в офисе мог заранее знать, что Семен Михайлович поедет не на бронированной машине.

– Кто угодно, – пожала плечиком Аня.

– Нет, не кто угодно. Виктория Ивановна звонила на станцию техобслуживания накануне. И ей сказали, чтобы водитель приезжал к десяти часам. И тогда господин Собинов сказал, что поедет на работу во второй половине дня, когда машина вернется.

– И почему он срочно выехал на работу?

– Кто-то, очевидно, позвонил ему. И потребовал срочно приехать. Кто-то, кому владелец компании не мог отказать.

Аня помолчала.

– А если бы... если бы он поехал на бронированной машине? Что с ней... с ним было бы?

– Ну, наверное бы, пришлось перекрасить машину.

Аня отвернулась, чтобы скрыть слезы, и прошла в кабинет.

Аня перенесла совет директоров на утро, чтобы до этого хоть чуть-чуть подготовиться и разобраться с долгами и активами компании. Ей хотелось это сделать самостоятельно, чтобы не выглядеть глупой девчонкой в глазах своих замов.

Она вызвала слесаря и сотрудника компании, которая производила сейфы, и велела вскрыть сейф. Секретарша Вика сказала, что это невозможно сделать до утра, и Аня ответила, что если сейф не будет вскрыт до десяти вечера, Вика может считать себя уволенной.

Пока сейф оставался закрытым, Аня занялась изучением бумаг, лежавших в ящиках стола и имевшихся в распоряжении бухгалтерии. Они искали те восемьдесят пять миллионов долларов, о которых ей сказал Никитин.

Однако никаких следов этих денег в бухгалтерии не обнаружилось. Зато через два часа обнаружилось кое-что другое.

Аня внимательно перечла документы, доставленные ей главбухом, утопила кнопку селектора и попросила секретаршу вызвать Алексея Зашеку.

– Он отъехал из офиса, – ответила секретарша.

– Я хочу его видеть через пятнадцать минут.

Ровно через пятнадцать Зашека и прибыл. Улыбнулся, помахал Ане ручкой и доверительно перегнулся через стол.

– Анна Семеновна, – сказал Зашека, – вы... у вас очень усталый вид... Поверьте, мы все так сочувствуем вашему горю...

Вблизи его лицо походило на красный помидор с пуговками.

– Наша компания очень много задолжала, – спросила Анна, – не так ли?

Зашека кивнул.

– Только по тем документам, которые я успела изучить, наша компания задолжала за топливо около десяти миллионов долларов, за обслуживание в различных аэропортах – около четырех миллионов, еще четыре миллиона авиаремонтным заводам и около полутора миллионов долларов зарплаты собственным работникам, – сказала Анна. – Кроме этого, компания должна банкам около двадцати миллионов долларов по кредитам. Так?

Защетка кивнул.

– Несмотря на это, – сказала Анна, – на следующий день после смерти отца вы распорядились перевести миллион двести тысяч долларов на счет некоей фирмы «Энтерпрайз» за будущие поставки горючего.

Защетка помолчал.

– А по какому праву вы мне задаете вопросы?

– Мне принадлежит эта компания.

– Ну, Анна Семеновна, это еще вопрос, кому она принадлежит. Вам или кому-то еще.

– Кому именно? Отец был хозяином «Авиаруси».

– Ну почему же, Анна Семеновна. У вашего отца были партнеры. Два партнера – Кудakov и Веригин. Одного убили два года назад, другого – три.

Аня вздрогнула, вспомнив убийство Кудакoва. Отец в это время как раз был в Англии. Она и не знала, кто такой Кудakov: ей сказала мать. Аня бросилась к отцу за расспросами, но тому было не очень приятно разговаривать на эту тему. Он просто коротко сказал, что Кудakov был плохой бизнесмен и что с компанией он был уже не связан: он только что продал свои акции, чтобы покрыть личные долги. Что же до Веригина, то его и вовсе никто не убивал: по словам отца, он наделал долгов миллионов на пятнадцать долларов и сбежал. Отцу немало стоило расплатиться с этими долгами.

– При чем здесь Кудakov? – спросила Аня. – У Кудакoва была куча долгов, и бизнесмен он был никудышный.

Защетка с интересом на нее поглядел.

– Да нет, – сказал он, – я не об этом. Просто и Кудakov и Веригин были партнеры. И у них тоже были наследники. Я не слыхал, чтобы их акции получили наследники. Их получил ваш отец.

– Он купил эти акции еще до смерти Кудакoва! Тот продал их, чтобы покрыть долги!

Защетка пожал плечами.

– А вдруг выяснится, что незадолго до смерти ваш отец тоже продал акции компании?

– Кому?

– Ну, например, человеку, которому принадлежит фирма «Энтерпрайз». Та самая, которой я заплатил деньги в счет будущих поставок горючего.

– И как же этого человека зовут? Алексей Измайлович?

– Может, Алексей Измайлович. А может, Станислав Андреевич.

– Кто такой Станислав Андреевич?

– Так. Один знакомый вашего отца. Хороший знакомый.

– Что значит – хороший знакомый?

Защетка пожал плечами.

– Предприниматели, у которых часто гибнут партнеры, иногда имеют хороших знакомых... вполне определенного рода занятий.

– Как фамилия Станислава?

– Да это я так, к примеру. Откуда я знаю фамилию какого-то Станислава?

– Вы можете идти, – сказала Аня.

* * *

Сейф вскрыли в половине десятого вечера. Там действительно нашлись бумаги, которые касались недавней сделки со SkyGate. Это были официальные бумаги, и в них значилась сумма в шестнадцать миллионов рублей, которые «Авиарусь» получила за продажу самолетов.

Эти шестнадцать миллионов вряд ли устроили бы человека, который пришел вместе с Зубицкими и вел переговоры вместо них.

Было уже одиннадцать, когда Аня обнаружила в одной из папок справку, согласно которой стоимость одного ТУ-204 составляла около десяти миллионов долларов.

Отец продал десять ТУ-204, новых, в прекрасном состоянии.

Аня положила перед собой две бумаги: про шестнадцать миллионов *рублей*, которые ее отец официально получил за шестнадцать самолетов, и про сто миллионов *долларов*, которые должны были стоить десять из этих шестнадцати самолетов, и уставилась в них ничего не выражающим взглядом.

Она очень устала, но спать ей не хотелось. Ей казалось, что она спит наяву.

За ее спиной отворилась дверь из тренажерного зала. Аня обернулась. У большого, во всю стену, аквариума стоял Стас. Светлые его волосы горели на фоне подсвеченной зеленой воды, и над головой его плавала серенькая пиранья. Он стоял на полу, а Аня сидела на возвышении, но несмотря на это глаза ее были вровень с глазами Стаса. Он стоял спокойно и расслабленно, и черная дорогая одежда спортивного покроя скрадывала его хорошо накачанные мускулы.

– Ты все еще здесь? – спросил Стас, – ты ужинала?

Аня даже не обедала.

– Нет.

– Поедем поужинаем. Если твоего отца завалили, это еще не повод уморить себя голодом.

– Мне нужно тут кое-что докончить, – сказала Аня.

Стас помолчал, потом пересек комнату и плюхнулся на диван.

– Валяй доканчивай. Я подожду.

Аня нажала на кнопку селектора. Она так и не отпустила Вику и не разрешила никому уходить с работы.

– Защеку ко мне, – сказала она.

Защекка пришел через три минуты.

– Алексей Измайлович, – сказала Аня, – вы мне сообщили, что перевели миллион двести тысяч долларов со счетов моей компании на счета фирмы «Энтерпрайз» по просьбе ее владельца, некоего Станислава Андреевича. Это так или нет?

Стас на диване аж привстал. Защекка оглянулся и увидел Стаса. Щеки зама пошли малиновыми пятнами.

– Это... вы меня не так поняли, Анна Семеновна...

– Почему же? Вы выразились вполне определенно. Вы сказали, что фирма «Энтерпрайз» принадлежит Станиславу Андреевичу. Так?

– Это недоразумение... я...

Стас встал.

– Это, конечно, недоразумение, – сказал Стас, – и этот господин... как его зовут?

– Защекка, – поспешно сказала Аня, – он заместитель моего отца. Алексей Защекка.

– И господин Защекка переведет деньги обратно. Завтра.

– Но вы не понимаете... я... уже...

Стас развел руками.

– Ты слышишь, Аня? Он согласен.

Защекка метнулся к выходу из кабинета. Дверь растворилась ему навстречу, и в ней возникли два молчаливых парня в кожаных куртках. Стас едва заметно кивнул им. Парни стали надвигаться на Защекку, а тот, бледнея, отступал к дверям переговорной. Он уже нашарил спящую дверь, – и та легко распахнулась. На пороге ее стояли длинный Игорь и маленький Петя.

Стас, улыбаясь, повернулся к Ане.

– Нам здесь больше делать нечего, – сказал Стас, – поехали ужинать. Этот человек вернет деньги.

Рука его мягко легла на плечи Ани.

* * *

Ресторан, в который повез ее Стас, был, наверное, один из самых дорогих в Москве. Главный зал был устроен, как крипта готического собора, и возле мраморного камина негромко играл орган. Они прошли через общий зал и поднялись наверх, на второй этаж, где располагались отдельные кабинеты. Охранники, словно верные псы, остались внизу.

Вышколенный официант, уловив странный акцент в русской речи Ани, обратился к ней на английском, и у Ани было впечатление, что он мог бы с такой же легкостью заговорить с ней по-французски или по-японски. Аня смутилась и не знала, что заказать, и Стас сделал заказ за нее.

Официант поклонился и через минуту вернулся с бутылкой красного вина, которую Стас придирчиво проинспектировал. Наконец вино было разлито по высоким бокалам на длинной, как шпилька, ножке. Официант пропал, не столько раздвинув занавесь, сколько как-то растворившись в ней, и Стас чокнулся с Аней, пристально глядя ей в глаза. Его крепкая рука охватила большой бокал целиком, так что кончики его плоских широких пальцев чуть соприкасались друг с другом, и на запястье, там, где белая кожа переходила в черный свитер, матово сверкнули дорогие платиновые часы.

– Ты сегодня объехала половину московских аэропортов.

Аня опустила голову. Она металась по чужим офисам и разговаривала с чужими людьми, потому что не могла оставаться одна. Как только она оставалась одна, ей казалось, что она умерла.

– Это ваши охранники доложили? – спросила Аня.

– Это не мои охранники, а твои. Игорь твоего отца возил три года.

– Вы не могли бы их отозвать?

– Ты это можешь сделать сама. Но тогда найми себе других. СОБР найми. Это можно сделать на официальной основе.

– Зачем мне СОБР?

– Твоего отца убили. Я не знаю почему. А ты вздумала руководить компанией.

– Вы действительно не знаете, почему убили отца?

– Нет.

– И не предполагаете?

Стас улыбнулся. У него была простая белозубая улыбка, так шедшая его белым волосам и спортивной выправке.

– Я никогда не действую на основании предположений, Аня. Когда речь идет об убийстве, я должен знать. А не предполагать.

– У отца был партнер, Кудakov. За что его убили, вы знаете?

Тени от свечей, горевших на столе, металась по матовым стенам и лицу Стаса, и из-за этих теней оно казалось чуть более неправильным, чем вчера. Его темные глаза глядели открыто и спокойно.

– Долги. Частные долги. Он был плохой бизнесмен. Он даже акции «Авиаруси» был вынужден продать, чтобы покрыть долги.

– Он ведь погиб два года назад? А после него Веригин?

– Ну, Веригина-то не убили, – усмехнулся Стас. – Просто человек пропал, и все.

– И вы его не искали?

– Отчего ж. Искали. Отец Кудакowa даже заявление написал: прошу разыскать Веригина, который убил моего сына. И менты искали, и мы.

– Не нашли?

– После его пропажи на счетах компании обнаружилась дырка, миллионов так в семь. За семь миллионов можно очень хорошо спрятаться. А компания была на грани банкротства.

Аня помнила, что отец называл другую цифру. Пятнадцать. Пятнадцать, а не семь. Было странно, что Стас и отец называли разные цифры.

– А еще до этого отец пригласил поднимать компанию этого... Никитина?

Стас кивнул.

– Этот Никитин... он мне совсем не понравился. Он гадости про отца говорил. И еще он говорил не очень последовательно. Он сказал, что не крал денег, за которые его объявили в розыск. Но на что же тогда Никитин купил SkyGate? Откуда у него были такие деньги, чтобы создать крупную авиакомпанию?

Стас пожал плечами.

– Не знаю.

– Этот Никитин... очень плохой человек. Он отца не любит, это сразу видно. Я не понимаю, как отец мог продать такому человеку самолеты. Этот человек совершенно наверняка попытался бы его обмануть. А может, даже убить. По-моему, он врет. По-моему, он не выплатил денег за самолеты. И чтобы не платить, убил отца.

Стас помолчал.

– Никитин выплатил деньги за самолеты. Я знаю.

– Точно?

– Да.

– Восемьдесят пять миллионов?

– Да.

– Стас, а вдруг это... Веригин? Ведь он был очень плохой человек, раз наделал такие долги. Вдруг он сбежал, но так как знал, что его ищут, решил разделаться с отцом?

Занавеска, отделявшая кабинет от общего зала, снова раздвинулась, и у стола возник официант в черных штанах и белой рубашке. В руках у него были огромные тарелки. Официант поставил тарелки на особый столик, и там, руководствуясь указаниями Стаса, полил их маслом и щедро посыпал какими-то пряностями из огромных деревянных перечниц со стальными ручками.

Потом бесшумно подал салат и снова пропал. Аня поглядела на тарелку. Из завитых листочков рукколы выглядывали половинки крошечных помидоров и жареные креветки. От салата шел упоительный аромат. Аня внезапно почувствовала, что страшно голодна.

Со того времени, как Игорь угостил ее мороженым, прошло семь часов, а мороженое было водянистым и невкусным.

– Расскажите про отца, – сказала Аня. – Какой он был?

Стас помолчал.

– Бизнесмен. Мой партнер.

– Вы часто бывали вместе?

– Приходилось.

– Наверное... вместе отдыхали... с девушками?

– Я не охотник до девок, – резко сказал Стас.

– А эта девушка... Маша... Она с ним давно?

– Какая Маша?

– Которая вчера была в особняке.

– А, – вспомнил Стас, – не знаю. Недели две, не больше. Они у него дольше двух недель не задерживались.

– Но ведь вы ее знали.

– Ее все знают, – поморщился Стас.

Аня вспомнила, как фамильярно Стас обнимал Машу за плечи.

– Вы с ней тоже спали? – сказала она.

– Это не имеет значения.

Помолчал и добавил:

– Прости, Аня, тебе не кажется, что мы не о том говорим? Мы говорили о компании, так? Девушки – Семена или мои – к этому отношения не имеют. А вот твоя встреча с Зубицким – имеет. Какого хрена ты с ним договаривалась?

– Я не с ним договаривалась. А с...

– Знаю. Там более. Ты договорилась. Эту договоренность нарушать нельзя. Твой отец два года не платил. Это его бизнес был, «Авиарусь», не твой – чего ты полезла платить?

– Потому что бизнес – это когда платят по долгам, а когда не платят – это мошенничество, – сказала Аня. – Я сбила три миллиона до одного. И я заплачу.

Стас молчал. Очень долго.

– Ты не понимаешь. На счетах компании нет денег. Ни трех лимонов, ни одного. Деньги за самолеты ушли в оффшорку. А где эта оффшорка, знал только твой отец. Он даже мне не успел заплатить. Между прочим, твоя компания за эту сделку должна мне двадцать пять миллионов долларов.

Съеденная пища вдруг превратилась в животе Ани в камень. Она осторожно положила вилку и взглянула в глаза Стасу. Они были коричневые и очень безжалостные.

Занавес снова осторожно раздвинулся, и в кабинетике материализовался официант. Тарелки в его руках были накрыты огромными крышками, напоминающими купол обсерватории. Когда официант сдернул сверкающие полушария, под ними в россыпи дикого риса засверкали красные клешни омара.

Когда официант ушел, Стас поднял бокал и снова чокнулся с Аней.

– После похорон ты возвращаешься в Лондон, – сказал Стас. – Я займусь всем остальным.

– Исключено. Я – наследница. Я найду эти деньги, Станислав Андреевич. Я буду управлять этой компанией.

– Ты много знаешь о том, как управлять российскими компаниями?

– Между прочим, я учусь в LSE.

– Это что такое?

– Это Лондонская школа экономики.

Стас молчал. Долго-долго.

– Я бы предпочел, чтобы ты уехала, – сказал Стас. – Но если хочешь... оставайся. Только это не совсем одно и то же, Россия и Лондонская школа экономики. И еще раз: если на тебя кто-то будет давить, скажи, что Стас обещал тебе помощь.

– Вы не бизнесмен, – внезапно сказала Анна.

– Я бизнесмен, – голос у Стас был очень усталый. – Вот, кстати, визитка.

Стас вынул беленький квадратик и приписал сверху мобильный телефон.

Когда Аня вернулась на Рублевку, было уже два часа ночи. Она безумно устала, но все-таки перед тем, как лечь спать, она включила отцовский компьютер и вошла в интернет.

Результат поиска не удивил ее. По мнению сайта compromat.ru, Станислав Войнин был лидером одной из крупнейших российских преступных группировок.

Глава вторая

Совет директоров начался ровно в девять утра. Директоров было семеро. Они были незаметные и какие-то потрепанные, все – работники «Авиаруси». Ее отец распоряжался компанией единолично, и директора были – практически подставные фигуры. Для удобства Ани кто-то расставил перед директорами таблички с именами и фамилиями.

Единственным по-настоящему бросающимся в глаза исключением был молодой парень в шелковом галстуке за двести баксов и безукоризненно пошитом костюме. По неуловимой манере держаться Аня поняла, что парень учился где-то на Западе, в Гарварде или Йеле. Звали его Дмитрий Иванович Мережко, и именно ему принадлежал злополучный «мерседес», на котором взорвался отец. По документам, которые Аня вчера изучила, Мережко представлял кипрскую фирму Carnaby Ltd, владевшую семнадцатью процентами акций «Авиаруси».

У Ани было такое впечатление, что за фирмой стоял Стас. Это впечатление превратилось в уверенность, когда за минуту до начала совета Мережко наклонился к Ане и сказал:

– Эти деньги, миллион двести, они еще не были переведены со счетов нашей компании. Мы позвонили в банк и заблокировали перевод. Еще какие-нибудь указания?

– Да, – сказала Аня. – Подготовьте приказ об увольнении Алексея Защеки.

Самого Защеки среди присутствующих не было. Может быть, его уже вообще не было в живых? Может быть, Стас отдал приказ залить его в бетон и сбросить в море, как в фирме про калифорнийских гангстеров, который она видела? Аня вздрогнула. Правда, в Москве нет моря. Но бетона полно.

– Ну что же, – сказал Мережко, – у нас первый пункт повестки дня: выборы нового генерального директора. Есть кандидатура Анны Семеновны Собиновой. Кто за?

Мережко поднял руку первым. Все остальные потянулись за ним, как утята за уткой.

– А Анна Семеновна представляет себе, в каком состоянии находится компания? – спросил один из членов совета директоров. Перед ним стояла табличка «Иннокентий Башков», и он был в «Авиаруси» зам по техническим вопросам.

– Компания находится в неважном состоянии, – ответил Мережко, – у компании осталось всего три самолета, из них один в ремонте, а другой в ближайшем будущем потребует капитального ремонта на сумму в три с половиной миллиона долларов. Вдобавок даже эти самолеты не могут летать ни из одного московского аэропорта, потому что всем аэропортам мы задолжали за стоянку и обслуживание. С учетом долгов в бюджет кредиторская задолженность компании составляет сто пятьдесят миллионов долларов.

Мережко сел. Ане показалось, что его слова прозвучали, как похоронная молитва. Сто пятьдесят миллионов долларов! И против них – восемьдесят пять миллионов за проданные самолеты.

И эти восемьдесят пять миллионов долларов – неизвестно где.

В дверь осторожно просунулась секретарша и подала Ане трубку.

– Это срочно, – сказала секретарша.

Аня взяла трубку, втайне надеясь услышать голос Стаса. Но это был не Стас. Это был Никитин, молодой владелец компании «Скайгейт».

– Анна Семеновна, – сказал Никитин. – Я прошу вас приехать ко мне. В московский офис, это на Садовом. Немедленно.

– Зачем?

– Если вы не знаете, тогда – не по телефону.

Аня уже надевала пальто на первом этаже, когда к ней спустился Дима Мережко. В руках его был толстенный серый телефон марки «Бенефон». За ним следовали два охранника в

камуфляже и с автоматами. Совсем непохожие на веснушчатого длинного Игоря и маленького Петю.

– Возьмите, – сказал Мережко. – А то мы тут заметили, у вас только лондонский номер.

– Это Стас заметил?

Мережко улыбнулся.

– Станислав Андреевич вообще очень наблюдательный человек.

Аня помолчала. Телефон был неожиданно тяжелый и формой напоминал прямоугольный кусочек бетона. Ане почему-то не хотелось брать подарки от Стаса. Особенно если они цветом и формой напоминали бетон.

– Спасибо, – сказала Аня, пряча телефон в карман и направляясь к выходу. Два охранника двинулись за ней.

– И уберите пожалуйста этих громил.

– Это сотрудники СОБРа, – сказал Мережко, – начальник службы безопасности подписал с ними сегодня контракт.

Аня пожала плечиком и вышла сквозь распахнутый настежь бронированный шлюз.

* * *

Московский офис Никитина занимал один из этажей стеклобетонной пирамиды на перекрестье Садового кольца и Цветного бульвара. Сотрудники офиса сидели за небьющимися перегородками, и улыбки были приклеены к их лицам импортным водостойким клеем. В своих белых рубашках и скромных галстуках они напоминали молодых телят, запертых по боксам на ферме.

Сам Никитин был в бежевых брюках и полосатом пуловере. Он орал на кого-то по мобильнику, стоя у окна, и на звук отворившейся двери даже не повернул головы. Аня кашлянула и сказала.

– Вы меня искали.

Никитин обернулся. Мобильник в его руке проделал сальто в воздухе и шлепнулся, ненужный, куда-то на диван.

– Искал. Сегодня утром в Нижнем Новгороде судебные приставы арестовали ТУ-204 из числа проданных мне вашей компанией. Мы вынуждены были задержать пассажирский рейс на два с половиной часа, пока меняли самолет. Может, для вас это и нормально, а в моей компании такого не бывает. В моей компании я увольняю людей за десять минут задержки рейса. Самолет и сейчас под арестом.

– Из-за чего он арестован?

– Некая компания «Росско», которой твой отец чего-то там задолжал, подала иск о банкротстве «Авиаруси», и в рамках этого иска она потребовала наложить арест на все имущество, незаконно отчужденное у твоей компании. Завтра мы отобьем этот арест. Но ты еще сегодня заплатишь этим козлам, что они требуют!

– Чем? – невольно ахнула Аня.

Голубые глаза Никитина сузились. Он смотрел на нее, как смотрит гонщик на ящик, вывалившийся на дорогу из грузовика. Ящик, который надо отшвырнуть бампером, чтобы выиграть гонку. Аня вдруг интуитивно почувствовала, что этот человек может быть так же опасен, как Стас. Человек, который в тридцать пять лет в России создает вторую по величине авиакомпанию, не может быть не опасен.

– Чем?! Я перевел твоему отцу восемьдесят пять миллионов долларов! Это была идея твоего отца, платить в черную, а не в белую! И в сумму этой сделки входило обеспечение меня от всякого дерьма!

– Это неправда, – сказала Аня, – в моей компании нет этих денег. Вы их не заплатили. Вот откуда все наши проблемы.

– Что?!!

Аня гордо подняла голову.

– Докажите, что вы их заплатили.

Никитин молчал секунду. Потом подошел к стене, распахнул невзрачный, как ряса доминиканца, сейф, – Аня заметила идеально ровные стопки бумаг, – и бросил Ане одну из папок.

– Пожалуйста, – сказал Никитин, – договора. Подписано мной и Собиновым. Приложения. Подписаны мной и Собиновым. Платежки. На те фирмы, которые указаны в договоре. На те счета, которые оговорены в приложениях. Изволь. Corvina Trading. Royal ltd. Ibis Trading. Полетные свидетельства. Мы вместе ходили в авиационный комитет оформлять наше право летать по вашим маршрутам, ты понимаешь, что я не только покупал самолеты, но и маршруты, я покупал все активы вашей компании безо всех ее дерьмовых долгов! Ты думаешь, что твой отец пошел бы в Авиационный Комитет переписывать маршруты, если б я не перевел ему деньги? Да если б я грош забыл, он бы на этом основании расторг сделку, с него бы стало! Вот, специально для идиотов, – бумага. Я, Собинов Семен Аркадьич, претензий к SkyGate и любым другим участникам сделки не имею. Дата, подпись. Четыре дня назад!

Аня закрыла лицо руками. Как ни была она ошеломлена, она вдруг вспомнила что-то.

– Но... каким образом... эта компания, которая подала иск о банкротстве, разве она не должна была известить отца?

– Должна. Вопрос, почему твой отец этого не заметил. Учитывая его репутацию кидалы, это очень большой вопрос.

– Не смейте так говорить о моем отце! Вы... он вечно доверялся мерзавцам, сначала Веригин, который его обокрал, а потом вы...

– При чем тут Веригин?

– Веригин! Ну, тот партнер, который украл деньги и сбежал!

– Аня, вы что, серьезно считаете, что Веригин – жив?

– Он наделал дыр в компании, убил Кудакова и сбежал!

Никитин смотрел на нее мгновение.

– Анна Семеновна. В компании было три владельца: Кудаков, Веригин и ваш отец. Потом два владельца из трех погибают, а вместо них в компании появляется Стас. За какие такие заслуги? Он что, деньги вложил в компанию? Как бывший ее генеральный директор могу вас заверить, что денег Стас не вкладывал. Так за что он получил треть акций?

– Вы... вы подлый человек. Вы обвиняете отца, а вы его сами и убили!

– Анна Семеновна!

– Я вас слышать не хочу, – завизжала Аня.

Она швырнула в него бумагами и побежала вниз, прочь, прочь из этой преуспевающей стеклянной горы.

Никитин некоторое время глядел ей вслед. Потом аккуратно собрал документы, выровнял их края, сложил в прозрачную офисную папку и вызвал секретаршу.

– Сделай копии и отправь курьером в «Авиарусь». Собиновой.

– Но у них...

– Видимо, их кто-то забрал. И соедини меня с Войниным.

* * *

Аня вернулась в компанию в половине третьего. Она еще раз выпотрошила сейф в отцовском кабинете. Она запросила в бухгалтерии все документы, имеющие отношение к движению денег по счетам.

Она внимательно изучила те бумаги, которые – спустя полчаса – привезли ей в офис от Никитина.

Восемьдесят пять миллионов долларов были переведены со счетов оффшорных структур Никитина на счета фирм Corvina Ltd, Bass Ltd, Ibisa GBNH и Royale GMBH. Счета фирм были открыты в швейцарском Banco del Rey.

Фирмы, видимо, принадлежали Собинову. Но ни одна из бумаг в «Авиаруси» не подтверждала этого и не давала Анне права обратиться в «Банко дел Рей» с просьбой предоставить сведения о дальнейшем движении денег.

А когда Аня вернулась из бухгалтерии в свой кабинет, она обнаружила в кабинете Алексея Защеку.

Зашека был цел и невредим, только вот лицо его было цвета подмокшей вермишели. Руки его слегка дрожали, и был он не один. Вместе с ним под сенью аквариума с пираньями сидел подтянутый сорокапятiletний мужчина в полосатом пиджаке и синей сорочке.

– Кто вас сюда пустил, Алексей Измайлович? – спросила удивленно Аня.

Товарищ в полосатом пиджаке встал и вынул из кармана небольшой пластмассовый приборчик. Аня замолчала и стала с удивлением наблюдать за его действиями. Полосатый сначала обшарил приборчиком все стены и кресла, а потом еще раз провел им по наиболее укромным местам. Аня догадалась, что он ищет жучки.

– Чисто, – сказала полосатый. – Но осторожность не помешает.

С этими словами он снова полез в пиджак и вытащил оттуда еще одно устройство размером с карманный магнитофон. Щелкнул кнопкой.

– Эта штука подавляет любую запись, – сказал он, – рекомендую. Отечественная разработка, между прочим.

Аня-таки была впечатлена процедурой, но постаралась свое любопытство не показывать:

– И что это значит, Алексей Измайлович? Учítывая, что вы уволены?

– А я здесь не на правах сотрудника «Авиаруси», – сказал Зашека. – Я здесь в качестве советника компании «Росско».

Аня уже где-то слышала это название.

– Видимо, вам это слово сегодня назвал Никитин. «Росско» арестовала его самолеты.

Ане хотелось спрятаться под стол. А еще лучше, убежать отсюда. В Гайд-парк, где по озеру плавают такие красивые лебеди. В Сити, похожее на музей гигантских сталактитов, куда ее уже звали стажироваться во Всемирный Банк и где никогда, никогда восемьдесят пять миллионов долларов за чужие самолеты не переводят с оффшора на оффшор, забыв оставить об этом документы в собственном сейфе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.